

П.В.РОМАНОВ

**ПРОЦЕДУРЫ, СТРАТЕГИИ, ПОДХОДЫ
"СОЦИАЛЬНОЙ ЭТНОГРАФИИ"**

Романов Павел Васильевич — научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений (Самара). Адрес: 443099 Самара, ул. М.Горького, д. 61/63. Тел. (846-2) - 32-39-50; Факс: (846-2) 51-21-66. E-mail: romanov@soc.samara.su

Сложившийся в социологии и утвердившийся в качестве самостоятельного направления на Западе "этнографический подход" в 1990-е годы не получил достаточно широкого распространения в российской социологии. Возможно, это объясняется типичным для России уважительным отношением к междисциплинарным разграничениям. Традиционная этнография обладает сложившимися предметом и методическим инструментарием, а возникший внутри социологии "этнографический подход" представляет собой терминологическую инновацию, отчасти похожую на этнографическое исследование акцентированием неформализованного подхода к сбору и анализу полевых наблюдений. В настоящее время это направление привлекает многих российских социологов. Здесь активно развиваются исследования трудовых отношений, внутригрупповой динамики в организациях, управления и политики занятости, социальных проблем города.

Процедуры и подходы, которыми оперируют социологи-"этнографы", отражают тенденции "качественной социологии" в целом. "Качественная" социологическая традиция долгое время располагалась на периферии социальных исследований и была вынуждена постоянно находиться в состоянии разграничения с "количественным" подходом.

Развитие "качественного" проекта происходит двумя, зачастую противоположными путями: с одной стороны — освобождение от редукционистской ориентации, свойственной позитивизму, с другой — стремление строить процесс исследования на фундаменте классических представлений о научности (непротиворечивость и повторяемость изучаемых феноменов, наличие объективной реальности, доступной для исследования, данных, достоверность которых можно подтвердить).

"Этнографию" в том понимании, в каком она здесь обсуждается — как определенную практику социальных исследований, связывают обычно с чикагским направлением символического интеракционизма. Вместо понимания роли наблюдателя как лица, находящегося вне объекта исследования, чья деятельность направлена на объективное описание социального поведения в терминах внешней по отношению к индивиду причинности, чикагская школа подчеркнула роль "включения" социального исследователя в объект. Таково "гуманистическое" видение науки, в котором обществоведы необходимо быть эмпатичным по отношению к тем людям, которых он изучает. В символическом

интеракционизме наиболее предпочитаемыми исследовательскими методами стали включенные наблюдения, глубокие и полуструктурированные интервью, документированные события, посредством которых выявляются субъективные состояния людей.

Это направление стало одним из наиболее влиятельных в полевых исследованиях, хотя перечисленные приемы характеризуют в большей степени "качественные" исследования как таковые, нежели конкретный их тип. Культурную антропологию,¹ например, всегда характеризовал "этнографический" метод (прямое наблюдение за поведением), используемый для сбора данных в определенных общностях, которые считаются традиционными с точки зрения современного индустриального общества. Однако, отмечает Р.Бердженс, некоторые британские социологи, особенно те, которые изучают проблемы школы и поведение учеников в классе, также используют термин "этнография" для описания своего метода [1]. Многие работы по антропологии, социологии и социальной психологии, использующие метод наблюдения, обозначаются различными терминами — среди других чаще встречаются такие, как "полевая работа" (fieldwork), "этнография", "исследование случая" (case-study), "качественное исследование".

Построение альтернативного позитивистскому проекта научного исследования сопровождается расширением терминологического аппарата, выражающего идеологию его носителей. Социологи - "этнографы" для описания своей исследовательской практики вводят новые термины, конструируемые традиционными для науки способами, а также обращаются к обыденной речи, нагружая ее новыми смыслами. Так кодируется социальная реальность, формируется определенный научный образ мышления.

Терминологические коды

Развитие эмпирических исследований обычно сопровождается рефлексией по поводу средств сбора полевых материалов (методов), организации этого процесса и применения различных видов верификации (стратегии исследования), анализа и построения теоретических обобщений (исследовательских подходов). Эти работы предполагают расширение терминологического аппарата путем введения понятий, более адекватно отражающих характер полевой работы.

При анализе методологических описаний можно видеть, что часть терминов построена по принципу полярных пар и определяется в контексте противопоставления этнографии и количественного метода. Такой способ конструирования терминологических кодов оправдан стремлением исследователей, принадлежащих феноменологической традиции, определить присущие ей эпистемологические границы и отделить свою область от позитивистского направления.

По свидетельству М.Хаммерсли, кроме выделения роли

¹ Этнография, по мнению А.Видича и С.Лаймана, скорее характеризует внетеоретический способ описания людей и культурного базиса того, что делает их людьми, чем отражает некий тип теоретизирования [2].

участника исследования и акцента на наблюдении как форме исследовательской деятельности, основное оправдание этнографии базировалось на "критике количественных, особенно опросных и экспериментальных, исследований" [3, p. 597]. Такие исследования сосредоточены на содержании вопросов и не выходят за рамки заданной исследовательской схемы. Социальное исследование осуществляется в данном случае искусственным образом, не позволяет выявить "естественные" повседневные установки. Более того, указывает М.Хаммерсли, в данном случае исследователи пренебрегают процессом развития и изменения, творческой ролью индивидов и социальных групп.

Одним из наиболее часто употребляемых средств, преодолевающих, по мнению социологов-"этнографов", это ограничение, должны стать естественные методы сбора данных. Пара "естественные — искусственные" методы подчеркивает примат таких процедур, как неструктурированное (глубокое) или полуструктурированное интервью, наблюдение и анализ документов, визуальных форм. "Естественность" в данном контексте подразумевает формы исследовательской деятельности социолога, которые опираются на познавательную работу индивида. В основе "этнографической" практики — убеждение в том, что "социальный мир может быть открыт", и "это может быть достигнуто при помощи наблюдений и использования "естественных" установок, лежащих в основе исследовательской ориентации" [3, p. 598]..

Одно из следствий использования "естественного" способа сбора данных — его неконтролируемость. В полевых условиях исследователь подчас вынужден лишь фиксировать факты, не имея возможности что-либо уточнить или подтвердить. Течение естественного процесса наблюдения или беседы в силу определенных обстоятельств ограничивает полноценное применение стратегии верификации гипотез. Дж.Дуглас говорит в этом случае о противопоставлении "неконтролируемых — контролируемых" методов [4]. Контролируемые методы включают в себя позитивистски обоснованные процедуры — сбор статистических данных, опрос, эксперимент, подразумевающие проведение исследования в рамках определенного плана с выделением обоснованных индикаторов, жесткие правила сбора информации строго структурированного типа, выверенные средства верификации гипотез. Данные могут отбраковываться в соответствии с формальными правилами, что обеспечивает их контроль со стороны исследователя.

Противопоставление природы применяемых методов связано прежде всего с описанием действительности. По мнению Н.Денцина, первым шагом качественного исследования является полное и всестороннее описание феномена в процессе исследования [5]. Он считает, что один тип описания можно обозначить как "толстое" (thick). Оно противопоставлено "тонкому" (thin) описанию, которое является ни чем иным, как "фактом". Н.Денцин полагает, что "толстое" описание включает в себя информацию о контексте действия, намерения субъекта и смыслы, вкладываемые в действие, а также его последующее развитие. Именно детальность, нарративная природа "этнографического

описания" наиболее полно отражает позицию исследователя.

Полученные в ходе исследования факты принимают в позитивистской ориентации вид "данных". Этот вид накапливаемой информации подразумевает дискретность, определенную структуру и упорядоченность в соответствии со строгими формальными правилами. Как указывают Н.Денцин и И.Линкольн, предпочтительным термином для обозначения понятия "данные" в качественной традиции должно стать понятие "эмпирические материалы" [8]. При этом подчеркивается фрагментарность и разнохарактерность информации, используемой полевым исследователем: записи в полевых дневниках, фрагменты интервью, фото- и киноматериалы, письма и т.п.

Основной объект критики "качественного подхода" со стороны "количественников" касается возможности обобщения результатов, полученных в процессе "этнографического" исследования и case study. Фокусирование исследования на одном объекте ставит под вопрос возможность распространения результатов, полученных таким образом, на другие объекты.

Ответом методологов case study стала концепция особого типа теоретизирования, характеризующего "этнографический подход". Тип конструируемой в ходе эмпирического исследования теории может быть назван аналитическим обобщением, противопоставленным другому способу обобщения, известному как статистическое [7]. Такой подход рассматривает "этнографию" какого-либо объекта как некий аналог естественнонаучного эксперимента, призванного подтвердить или опровергнуть определенную теорию. Таким образом, критерий правильности теории предполагает подтверждение выводов, полученных в исследовании одного объекта, данными, полученными повторным исследованием, проведенным по такой же схеме, на этом же или других объектах. Данные и выводы одного исследования могут быть опровергнуты или поставлены под сомнение данными и выводами другой, по выражению Р.Йина, конкурирующей теории.

В противоположность этому, статистическая генерализация основывается на представлении о "выборке" и "статистической репрезентации". В этом случае критерием правильности является соблюдение определенной технологии отбора случаев (осуществление выборки) из некоего определенного множества — генеральной совокупности. Только в таком случае выборочные данные можно распространить на всю генеральную совокупность.

По мнению многих авторов, аналитическое обобщение результатов "этнографии" не снимает с исследователя ответственности за строгость представленных выводов. Строгость здесь предстает в превращенном виде — как попытка отразить рассматриваемый социальный феномен с нескольких точек зрения. Исследователи-одиночки могут сделать совершенно разные выводы из одних и тех же данных, опираясь на различные теоретические подходы. М.Шипман считает, что исследователям следует давать научные отчеты для ознакомления своим информантам и публиковать отчеты вместе с их комментариями и оценкой. Такие комментарии позволяют принимать во внимание оценку объекта

исследования не только со стороны исследователя, но и со стороны тех, кого он изучает. Как отмечает М.Шипман, "положительная сторона комментариев со стороны лиц, участвовавших в исследовании, заключается в выделении различий между исследуемыми и исследователями, которые редко принимаются во внимание в научных отчетах об использовании метода наблюдения" [8].

"Этнографическое описание" и связанные с ним методы сбора информации автоматически не предусматривают позитивистскую стратегию полевого исследования, стратегию, основанную на отказе от поиска "объективной" истины и доминирующей роли исследователя, отягощенного в ее поиске собственными ценностными ориентациями. В широком спектре работ по методике качественных исследований можно встретить самые различные позиции аналитиков, касающиеся механизмов их валидации и проверки достоверности полученных результатов. Наиболее влиятельна позиция, которая делает акцент на значимости таких процедур, хотя и выдвигает альтернативные позитивистскому проекту идеи.

Одной из основных особенностей "качественной традиции" как таковой является ориентация на использование различных методов — множественная стратегия полевого исследования (multiple strategies). Особый интерес представляет ее применение в целях валидации. Р.Бердженс отмечает, что для полевых исследователей вопросы валидности представляют наибольший интерес [9]. Рассматриваются преимущественно два вопроса: насколько существенно исследовательские представления влияют на сбор данных (внутренняя валидность); могут ли данные, полученные при исследовании одной ситуации, быть обобщены для другой ситуации (внешняя валидность). Решением этих проблем может стать процедура триангуляции, представления о которой заимствованы из психологической практики. Впервые этот термин использовал Дж.Кемпбелл, выразив мнение, что данные, подтвержденные двумя независимыми источниками, более убедительны, чем те, которые взяты из одного источника [10].

Вероятно, "триангуляция" стала одним из первых методологических терминов, возникших в рамках "качественного метода" без отсылки к "количественной" методологии. Под триангуляцией имеется в виду использование различных методов исследования и различных источников данных для оценки эмпирического события. Предположение, подкрепленное несколькими несовершенными измерениями (каждое из которых имеет свои ошибки), лучше устраняет неопределенность в своей интерпретации, чем то, которое подкреплено лишь одним способом измерения.

По мнению Н.Денцина триангуляция включает не только методы и данные, но также исследователей и теории. Он определил основные базовые формы триангуляции следующим образом:

"1. Триангуляция данных, которая подразделяется на: (а) временную триангуляцию, связанную с повторным или лонгитюдным исследовательским проектом; (б) пространственную триангуляцию, реализующуюся в сравнительных исследованиях; (в) личностную триангуляцию, используемую

на различных уровнях анализа: (1) индивидуальном уровне; (2) взаимодействии в рамках группы; (3) групповой работе.

2. Исследовательская триангуляция, в которой сходные ситуации и данные рассматриваются несколькими специалистами (группой ученых).

3. Методологическая триангуляция, в которой различаются "внутриметодическая триангуляция", когда один и тот же метод используется в разных ситуациях, и "триангуляция межметодическая", реализующая разные методы на одном и том же объекте." [11].

Таким образом, применение триангуляции обеспечивает, по мнению Р.Берджеса, не только валидность методов и стратегии исследования, но и надежность данных. Установка на углубление средств, позволяющих устранить присущую "этнографическому" описанию неопределенность, характеризует в основном исследования прикладного характера, где эта проблема актуализирована в большей степени. Характерной чертой таких работ можно считать отказ от позиции "одинокое этнографа" начала века — позиции, типичной для работ Ф.Боаса, Б.Малиновского, Рэдклиф-Брауна и М.Мид.

Базовый принцип рассматриваемой стратегии — включение в проект нескольких исследователей. Р.Берджес, подчеркивая самодостаточность каждого члена команды, показал, что исследователи включаются в различные виды деятельности [9, p. 164-165]. Первый вариант — исследователи, действующие отдельно, но координировано создающие порядок, в котором происходит взаимная кросс-валидизация сбора данных и анализа. Второй — в исследованиях, выполняемых командой, ученые перепроверяют работу друг друга. Такой способ использовал М.Стаси, в научных проектах которого сотрудники представляли различные классы, различались по полу. По его мнению, исследовательские команды в целях сравнительного анализа могут включать представителей разных возрастов и этнических групп.

"Этнографический" проект придает особое значение исследователю. Способность войти в контакт с людьми, жизненные смыслы которых отражаются в исследовательской работе, умение гибко строить процесс сбора данных, не придерживаясь жестко заданной схемы, — таковы требования, предъявляемые к "этнографическому" методологу.

Предполагается, что "количественное" исследование построено по принципиально иному типу — штат интервьюеров, специализированные группы по подготовке выборки, вопросника и статистического анализа придают ему известную разорванность. Строгость полевой работы в массовом опросе обеспечивается заданной последовательностью процедур — контакт с респондентом по типизированному образцу, сведение к минимуму случайных обстоятельств, вмешивающихся в формализованный ход сбора данных.

Для "этнографа" ход исследования может быть непредсказуем и зависим от множества факторов. В этом проявляется его итерактивный характер, который заключается в требовании постоянного пересмотра методов сбора данных, базовых гипотез и отправных посылок. Поток полевых материалов этнографического характера, поступающих из

разных источников, постоянно приносит с собой незнакомые сюжеты, которые могут стать новым направлением анализа или подтолкнуть к пересмотру стратегии исследования.

Характер работы ученого в такой ситуации описывается термином "монтаж (без предварительного плана)" (*bricolage*), а роль исследователя — словом "монтажник" (*bricoleur*) [13]. В "этнографических" исследованиях термин "строительство" используется для описания такой стратегии исследования, в которой его участник использует различные подручные средства, многообразные методы изучения объекта, выстраивает его из фрагментов информации о реальности. Этот термин был введен Г.Зиммелем и использован Бодрийяром. Термин "*bricouler*" часто обозначает "кого-то, кто делает работу собственными руками, используя разные хитрые приемы, подобно ремесленнику, "*bricouler*" — практик и делает работу от начала до конца" [14].

* * *

Краткий обзор некоторых методологических понятий, представляющих "этнографию", свидетельствует о неоднородности соответствующего категориального ряда. В наибольшей степени это присуще *case studies*.² Несмотря на широкое использование "качественных" процедур сбора данных, многие черты этого типа исследований указывают на позитивистскую ориентацию, как явно, так и скрыто присутствующую в контексте работы.

По мнению Р.Йина, подход типа *case study* характеризуется стремлением (а) определить основные вопросы исследования заранее; (б) действовать в русле логического позитивизма; (в) поддерживать полевую работу в целевом режиме, чтобы фокусироваться на тех свидетельствах и событиях, которые имеют непосредственное отношение к объекту изучения.

Представления о триангуляции размывают определенность феноменологической парадигмы, выраженной в идее этнографического исследования. Мультиметодический подход указывает на гибкость стратегии, движение от естественных методов к искусственным, от контролируемых к менее контролируемым. Скрупулезность "этнографического описания" встраивается здесь в классическую научную методологию.

Наиболее радикальные "этнографы" предлагают пересмотреть понятие триангуляции. По их мнению, объективную реальность невозможно описать с достаточной полнотой. Триангуляция — это не инструмент или стратегия валидации, но альтернатива валидации [17]. Комбинацию в одном исследовании множества методов, эмпирических материалов, подходов и наблюдателей лучше понимать как стратегию, которая добавляет строгость, широту и глубину в любое исследование. "Этнографический подход" характеризуется скорее представлением о действительности как предмете социального конструирования, чем убеждением в существовании единственной "объективной реальности" [18]. По этой причине "этнографическое" исследование не следует в

² *Case study* — исследование случая, изучение процессов в рамках одного социального объекта. Сходный тип научной практики обычно относят к монографическим исследованиям, однако по ряду признаков последние связаны с иной стратегией и методологией работы [15].

русле традиционной эмпирической парадигмы, предполагающей, что единственная объективная реальность может быть многократно отражена.

Акцент сделан преимущественно на фигуре исследователя, чем на методе сбора данных. Именно его активная роль и подчеркивается в той концепции триангуляции, где речь идет о групповой работе и необходимости подтверждать выводы через информантов. Среди тех посылок, которые не могут быть вынесены за скобки в "этнографическом" исследовании, важное место занимает позиция исследователя — он не может дистанцироваться от объекта изучения. Социальное исследование ограничено определенными ценностями. Это может быть в большей степени ориентацией на прямое переживание социального опыта, чем на дистанцирование от объекта исследования, путем использования так называемых "инструментов". В таком контексте предпочтительным средством сбора данных является техника "включенного наблюдения", где непосредственный опыт находит наиболее полное выражение. Только такая техника может позволить исследователю ясно представить многообразие форм действительности.

"Этнографическое" исследование не обязательно начинается с жестко сформулированных теоретических посылок. Определенная теоретическая тенденция является следствием базового определения "этнографии" как таковой — сосредоточении внимания на распространенных предрассудках, фактах, народном знании и поведении некоторых групп людей [19]. Целью "этнографического" исследования является скорее построение теории, чем ее проверка.

В последнее время в практике социологических исследований особенно активно происходит конституирование альтернативного позитивистскому научного дискурса. Все более четко проявляются черты постмодерна, что отражается на процедурах сбора и анализа эмпирических материалов. Методы, ориентированные на введение множественности интерпретаций — исследователей, принадлежащих к различным социальным группам (возрастам, классам, этносам, полам), и представителей изучаемых совокупностей (организаций, микрогрупп и т.п.) — наиболее определенное выражение такой ориентации.

Можно предположить, что стержень формирующегося дискурса составляет синтез итерационности и мультиметодичности. В них сосуществуют как "качественные", так и "количественные" подходы к методам и стратегиям, как множественность интерпретаций, так и дистанцированность от крайностей релятивизма феноменологической традиции.

Таким образом, процесс "этнографического" исследования являет собой некую мозаичную картину, содержащую фрагменты разнообразных исследовательских "практик". Для него специфичен отказ от теоретических предпочтений. В то же время терминологические нововведения осуществляются традиционно научными способами, главным образом посредством калькирования понятий, сформированных в "количественной" методологии. Происходит не формирование альтернативной терминологической сферы, а расширение ее на основе

существующей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Burgess R.G. In the field // London: Unwin Hyman, 1984.
2. Vidich A., Lyman S. Qualitative methods, their history in sociology and anthropology // Handbook of qualitative research / Ed. by N.K.Denzin, Y.S.Lincoln. Newbury Park, CA: Sage, 1994.
3. Hammersly M. What's wrong with ethnography? The myth of theoretical description // Sociology. V. 24. 1990. P. 597.
4. Douglas J. Investigative social research. Beverley Hills: Sage, 1976.
5. Denzin N.K. The research act in sociology. London: Butterfield, 1979.
6. Denzin N.K., Lincoln Y.S. Introduction. Entering the field of qualitative research // Handbook of qualitative research / Ed. by N.K.Denzin, Y.S.Lincoln. Newbury Park, CA: Sage, 1994. P. 16.
7. Yin R.K. Case-study research: Design and methods. Newbury Park, CA: Sage, 1989. P. 31-32.
8. Shipman M. Inside a Curriculum Project. London: Methuen, 1974.
9. Burgess R.G. Field Research: A sourcebook and field manual. London: Allen and Unwin, 1982.
10. Campbell D.T. Factors relevant to the validity of experiment in social setting // Psychological Bulletin. 1957.
11. Denzin N.K. The Research Act. Chicago: Aldine, 1970.
12. Stacey M., Batstone E., Bell C, Murcott A. Power, persistence and change: A second study of banbury. London: Routledge and Kegan Paul, 1975.
13. Denzin N.K., Lincoln Y.S. Introduction: Entering the field of qualitative research // Handbook of Qualitative research / Ed. by N.K.Denzin, Y.S.Lincoln. Newbury Park, CA: Sage, 1994. P. 2, 15.
14. Weinstein D., Weinstein M.A. Georg Simmel: Sociological flaneur bricoleur // Theory, Culture and Society. 1991. V. 8. P.151-168.
15. Козина И. Использование метода case study в исследовании трудовых отношений. Рукопись.
16. Yin R.K. Applications of case study research. Newbury Park, CA: Sage 1993.
17. Flick U. Triangulation revisited: Strategy of validation or alternative? // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1992. V. 22. P. 175-198.
18. Guba E.G., Lincoln Y.S. Epistemological and methodological bases of naturalistic inquiry // Educational Communications and Technology Journal. 1982. V. 30. P. 233-252.
19. Goetz J.P., LeCompte M.D. Ethnography and qualitative design in educational research. San Diego, CA: Academic Press, 1984.